

лицо должно обладать организационной и имущественной обособленностью. Физическое лицо, в свою очередь, должно достигнуть 18 лет, а также быть полностью дееспособным без ограничений. Трудовой кодекс Республики Беларусь определяет «нанимателя» как юридическое лицо, представительство иностранной организации, филиал иностранного юридического лица, а также физическое лицо, наделенные законодательством правом заключения и прекращения трудового договора с работником [4]. М. А. Жильцов рассматривает нанимателя (работодателя) как лицо или организацию, имеющие право нанимать работников и исполнять связанные с этим обязанности [5]. Таким образом, наниматель (работодатель) – физическое или юридическое лицо, которому законодатель предоставил право заключать и расторгать трудовые договоры, с целью найма работников.

Некоторые ученые выделяют трудовой коллектив как субъект трудового права. Он представляет собой объединение физических лиц, основанное на совместном труде и общих интересах. Т. Ю. Коршунова определяет трудовой коллектив как объединение работников, выполняющих трудовые функции в рамках юридического лица. В. А. Масленников рассматривает его как совокупность работников, связанных технологически, правовыми и психологическими отношениями, с определенной официальной и неофициальной структурой [2]. Таким образом, трудовой коллектив – это объединение работников для выполнения трудовых функций на основе заключенного трудового договора, связанные совместным трудом и наличием общих коллективных интересов.

Заключение. Субъекты трудового права — это индивидуальные и коллективные участники трудовых отношений, обладающие правосубъектностью, позволяющей реализовывать права и исполнять обязанности согласно трудовому законодательству. Работник — это физическое лицо, обладающее необходимой правосубъектностью и качествами для выполнения работы, вступившее в отношения по трудоустройству с целью поиска работы. Наниматель (работодатель) — физическое или юридическое лицо, которому законодатель предоставил право заключать и расторгать трудовые договоры, с целью найма работников. Трудовой коллектив - объединение работников для выполнения трудовых функций на основе заключенного трудового договора, связанное совместным трудом и наличием общих коллективных интересов.

1. Зайцева, Л. В. Теория и практика правового регулирования труда недееспособных работников / Л. В. Зайцева, О. А. Курсова // Правоведение. – 2018. - №3. – С. 465 – 483.
2. Сафонов, В. А. Концепция трудового коллектива как субъекта трудового права : критический анализ / В. А. Сафонов // Трудовое и социальное право. – 2014. - №3. – С. 39 – 43.
3. Жибартович С. И. Проблемы исследования правовой сущности трудовых отношений / С. И. Жибартович // Юстиция Беларуси. – 2018. - №8. – С. 46 – 49.
4. Трудовой Кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 8 июля 2024 г., № 25-З. – Минск : Амалфея, 2025. – 236 с.
5. Ворончук, И. О. Правовое регулирование труда руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа / И. О. Ворончук // Юстиция Беларуси. – 2014. - №1. – С. 37 – 41.

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНСТИТУТОВ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ

Макаров И.А.,
студент 3 курса НовГУ имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация
Научный руководитель – Макарова Е.А., канд. ист. наук, доцент

В статье исследуется парламентская ответственность как самостоятельный вид правовой ответственности, проводится сравнительный анализ институтов парламентской ответственности и парламентского контроля. Рассматриваются формы и механизмы реализа-

ции данных институтов, и евразийский опыт применения инструментов парламентского контроля. Актуальность исследования выражается в запросах отечественного парламентаризма на совершенствование российского конституционного бэкграунда.

Цель – определить место института парламентской ответственности в системе конституционной ответственности; выявить особенности взаимодействия парламентского контроля и парламентской ответственности; сформулировать определение парламентского контроля, отсутствующее у законодателя.

Материал и методы. В данной работе были использованы метод анализа нормативного материала, юридической литературы и мнений экспертов в области парламентского надзора, метод обобщения в определении общих существенных признаков изучаемых институтов, метод сравнения в части исследования зарубежного опыта контрольных функций парламента.

Результаты и их обсуждение. В современном российском информационно-правовом поле тема форм конституционной ответственности считается относительно новой. Провозглашение в Конституции Российской Федерации правовым государством сопровождается образование системы механизмов, обеспечивающих сохранение вектора развития государства в соответствии основами конституционного строя в целях формирования цельного гражданского общества. Для этого необходимо функционирование института конституционной ответственности на всех уровня государственной власти. Классическая дифференциация ответственности на гражданскую, дисциплинарную, административную и уголовную в реалиях XXI века совершенно устарела ввиду закрепления конституционной ответственности как равноправного типа юридической ответственности. Благодаря этому фактору формируется ответственность власти как таковой и в политическом, и в юридическом контекстах. В последние десятилетия, когда на советском фундаменте продолжается формирование современного российского конституционализма, общественные процессы всё больше зависят не от пассионарной активности населения, а от ответственно спланированной и конкретно направленной деятельности государственных органов, поэтому актуальность вопроса парламентской ответственности будет сохраняться на высоком уровне ещё долгое время.

В первом приближении, определяющей детерминантой ответственности является исполнение статей Основного закона Российской Федерации и российского законодательства в целом, обеспечение незыблемости основ, образующих конституционный строй. Стоит оговорить, что столкновение конкретно политической и конституционной ответственности имеет место так часто, что существует мнение об их слиянии, что, разумеется, ошибочно. Дело в контексте, в котором принимается та или иная мера. В одной ситуации её следует рассматривать как политическую реакцию, во второй – как конституционную. Хрестоматийный образец – отставка министра РФ, совершаемая по указу Президента. В том случае, если член Правительства нарушил конституционные положения, процедура будет иметь характер конституционной ответственности, в любом ином – политической.

Де-факто процесс претворения в жизнь парламентской ответственности гораздо более сложен, чем кажется сначала. Затруднения вызывает вопрос о субъекте юрисдикции: кто именно имеет право фиксировать наличие конституционной ответственности? Если соответствующая инстанция не находится, говорить о привлечении к ответственности не приходится. Исходя из этого, формируется понимание, что помимо аппарата воздействия, причин и субъектов в правовое сопровождение института конституционной ответственности обязательно нужно включать соответствующую инстанцию для каждой группы субъектов.

Относя парламентскую ответственность к видам конституционной ответственности, необходимо рассматривать критерий состава, состоящий, как известно, из

двух сторон – объективной и субъективной. Объективно парламентская ответственность подразумевает положение исполнительных органов, содержащее предварительный анализ желаемых действий и отработку последствий. Субъективная же часть предусматривает свободу воли и базируется на ней. Особое значение имеет умение действовать и принимать ключевые решения, не просто полагаясь на свободу воли, а на обязанность регулировать модель своего поведения под нормы законодательства. Наличие ответственности как таковой определяется тем, перед кем отвечает субъект правоотношений. Так, институты публичной власти отвечают перед российским народом и российским государством, а значит, обязаны действовать в соответствующем правовом поле и аргументировать свои действия для других общественных институтов.

Важно отметить, что институт парламентской ответственности не имеет окончательный установившийся аппарат санкций как раз потому, что правоотношения, субъектом которых выступает парламент, зачастую являются политическими, а не исключительно юридическими.

Анализ юридической литературы показывает, что она порой жестко разграничивает по своему содержанию парламентскую ответственность на политическую и юридическую ответственность. Политическая ответственность возникает в результате парламентской оценки политики правительства или деятельности его членов, что может привести к их отзыву с должности путем выражения вотума недоверия. Юридическая ответственность возникает в виде импичмента или аналогичных ему процедур применяется к должностным лицам, нарушившим конституцию или иные законы при исполнении своих обязанностей. Под политической ответственностью понимается применение парламентом или президентом мер, влекущих негативные последствия для правительства и (или) его членов. При этом, в отличие от юридической ответственности, политическая ответственность имеет важную особенность: для ее возникновения не обязательно наличие правонарушений – она может наступить и без них, что на практике мы часто наблюдаем. Собственно, эта особенность и повлияла на название указанных форм ответственности. В этом случае парламент преследует главу правительства и его членов за упущения и недостатки в деятельности, оценивая ее с политической точки зрения. Формами политической ответственности могут быть, например, отставка, народное порицание и др. [1, с.326]. Вероятно, было бы целесообразным принять и отдельный нормативный правовой акт, регламентирующий порядок выражения вотума недоверия правительству. Кроме того, совершенствование механизма индивидуальной ответственности министров повысит ответственность правительства и эффективность осуществления парламентского контроля.

Осуществление парламентом контрольной функции является одной из важнейших его основных задач деятельности. В процедуры надзора включены отчеты парламенту, надзор за делегированным законодательством, запросы и вопросы к членам парламента и парламентские расследования. В механизм подотчетности исполнительной власти парламенту может включаться представление премьер-министра и министров докладов парламенту «об общем состоянии государственных дел и внешних сношений» (ст. 72 Конституции Японии) и право парламентского органа требовать любой необходимой информации от правительства и его ведомств (ст. 109 Конституции Испании) [3, с.151].

Существуют разные мнения о взаимосвязи законодательной и надзорной функции парламента, но в соответствии с доминирующей точкой зрения исследователей и практиков, законодательные и контрольные функции парламента считаются едиными. Надзорная деятельность выступает как самостоятельная законодательная форма дея-

тельности, позволяющая в полной мере выявить политико-правовую природу представительных органов.

Конституционная практика признает следующие формы контроля парламента за деятельностью исполнительной власти: обсуждение основных направлений деятельности правительства политика; бюджет и отчеты о его исполнении; парламентские расследования и надзор функции постоянных комиссий и специализированных следственных комиссий, а также других специализированных органов парламента и важных должностных лиц, а также выражения недоверия правительству или разные министерства.

Изучая инструменты парламентского контроля, уместно рассмотреть опыт зарубежных стран. В ФРГ широко распространено использование запросов, и не только парламентом и депутатами, но и политическими фракциями, на которые должны отвечать органы исполнительной власти, получающие такие запросы.

В отношении других основных прав, включая право утверждать бюджет, нижняя палата парламента ФРГ осуществляет надзор за Правительством и его деятельностью. Также в стране хорошо налажена система, в соответствии с которой Комитет по обращениям отвечает за рассмотрение петиций, поданных любым гражданином ФРГ в парламента. Если комиссия одобряет обращение гражданина, то оно направляется в соответствующий государственный орган, который осуществляет надзор не только за парламентом, но и за гражданским обществом над выполнением решений, принятых парламентом.

В Великобритании парламентский надзор осуществляется в основном специализированными комитетами. В то же время в Великобритании хорошо развита практика контролирования неофициальными партийными группировкам и комитетам, состоящим из членов политических партий. Существование института, известного как «теневой кабинет», дает британскому парламенту преимущество в том, что оппозиция активно участвует в процессе парламентского контроля [4, с.151].

Одна из форм парламентского контроля в демократических правительствах, независимых от конкретной формы правления, это заслушивание отчетов правительства и его кабинета. Надзор не всегда предоставляется правительству и министерствам соответственно в том смысле, что они сами ответственны перед парламентом, это существует в и парламентских, и в смешанных формах правления [2, с.224].

Заключение. На основе вышесказанного, можно сформулировать обобщающее определение, что есть парламентский контроль. Под парламентским контролем понимается комплекс мер, осуществляемых законодательным органом, его палатами, их внутренними органами, а также образуемыми палатами органами по проверке законности, целесообразности и эффективности деятельности иных государственных органов.

Вопросы принципа разделения властей, операционных механизмов и их взаимодействия в рамках конституционной демократии волновали и волнуют до сих пор. Таким образом, воображаемая Монтескье модель не утратила своей актуальности, став первоосновой, лежащей в основе правового государства. Баланс отношений между законодательной и исполнительной властью осуществляется законодательной властью посредством парламентского контроля, регулируемого конституционно, осуществляемого над правительством и президентом. Функция контроля высшей законодательной власти над правительством не означает, что орган, осуществляющий исполнительную власть, подчиняется парламенту, а выражает лишь модальность взаимодействия институтов демократического государства.

Таким образом, соотношение парламентской ответственности с парламентским контролем характеризуется тем, что она может быть следствием осуществления парламентского контроля, иными словами, парламентский контроль может стать предпосылкой парламентской ответственности. Как видно, институты парламентского контроля и парламентской ответственности находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Это

взаимодействие проявляется в том, без наличия института парламентского контроля невозможно было бы привлечь к ответственности органы исполнительной власти, и наоборот, без наличия института парламентской ответственности парламентский контроль терял бы свое значение [2, с. 227].

1. Макаров, И. А. Природа парламентской ответственности правительства в теории конституционализма / И. А. Макаров // XVII Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 2-х томах, Витебск, 20 октября 2023 года. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 325-327.

2. Папян, А. А. Теоретические и правовые основы парламентского контроля и парламентской ответственности / А.А. Папян // Молодой ученый. – 2020. – №15 (305). – С. 224-229.

3. Султанбаева, Г. А. Парламентский контроль как вид государственного контроля / Г. А. Султанбаева // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. – 2018. – № 2(94). – С. 150-153.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Печура А.Ю.,

студентка 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. пед. наук, доцент

В эпоху глобализации роль инновационных методов в преодолении общемировых интернет-вызовов становится все более значимой. Информационные угрозы стали актуальными и в сфере международных отношений, коммуникаций высших должностных лиц государств с помощью онлайн-технологий как между собой, так и с населением собственных стран с целью выражения своего мнения об актуальных внутренних и внешних проблемах, стоящих перед страной, и предлагаемых путях их разрешения. Цель данной работы заключается в оценке интернет-угроз в сфере осуществления внешней политики государства и международного сотрудничества.

Материал и методы. Материалом исследования послужило соответствующее проблематике национальное белорусское законодательство и ряда зарубежных стран. Основные методы – сравнительно-правового и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Политическая область, занимая центральное место во всех аспектах общественной жизни и ставшая ареной для соперничества глобальных интересов, сталкивается с задачей балансировки противоречивых целей мирового масштаба. Включение ИКТ в международные отношения подразумевает создание высокопроизводительных технологических платформ, обеспечивающих оперативность принятия ключевых решений на глобальном уровне [1].

Как отмечает Б. Андерсон, в последнее время как мощные инструменты публичной дипломатии, широко стали использоваться платформы социальных СМИ, «позволяющие правительствам напрямую взаимодействовать и влиять на аудиторию во всем мире, а также распространять сообщения и формировать общественное мнение». Цифровые коммуникационные инструменты трансформировались в стандартную практику реального времени глобального взаимодействия, постепенно повышая уровень зависимости от этой технологии, который часто остается незамеченным, в том числе в дипломатической практике, однако, даёт возможность (и часто требует) быстрой динамичной реакции на международные события. Конечно, наступившая новая эра приносит набор проблем. Тогда как «традиционная» дипломатия была сосредоточена на безопасности посланников и, в частности послов, сегодняшние страхи связаны с киберугрозами, распространением дезинформации и реалиями вездесущего цифрового наблюдения.

По мнению, исследователей М. Марзуки и А. Кальдераро появление интернет-дипломатии как новой структуры для различных глобальных цифровых практик рас-